

Виктория Романова

ЖЕМЧУЖИНА

Книга первая. Семейные ценности

Виктория Романова
Жемчужина. Книга первая.
Семейные ценности

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489921
ISBN 9785449393531*

Аннотация

Что общего может быть между наследницей богатого ювелира, женой простого рыбака и счастливой матерью семейства? Каждая из трех героинь данной истории хотела только одного: сберечь свою любовь. Но не слишком ли высокой окажется цена. Когда за ошибки родителей расплачиваться предстоит их детям.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	46
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Жемчужина
Книга первая.
Семейные ценности

Виктория Романова

© Виктория Романова, 2018

ISBN 978-5-4493-9353-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-9354-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Чуть ускорив шаг, Роберт не оборачиваясь, миновал небольшой переулок, что через пару мгновений привел его на шумную городскую площадь. По—прежнему, не останавливаясь, мужчина с деланным безразличием переступил на неровную мостовую, дабы смешаться с разнородной толпой, наводнившей центр городка в эти полуденные часы. Привычная суматоха расплескалась вокруг, переключаясь веселым говором словоохотливых кумушек; приветственными окликами сеньоров и беззаботным смехом девушек. Не обращая ни малейшего внимания на царящее вокруг оживление, Роберт прошел вдоль многочисленных лавок. Не привлекая излишнее внимание, даже с легкой ноткой отстранения, мужчина перевернул на запястье браслет часов, вместе с тем как бы невзначай бросил взор вокруг себя.

– Отлично. Никого нет. И даже, если мне не показалось, со следа я их сбил. Это очевидно, – мелькнуло в сознании Роберта.

По губам мужчины скользнула самоуверенная улыбка. Уверенным движением он извлек из кармана едва надломленную сигарету. Вспыхнул яркий огонек и через мгновение Роберт с наслаждением затянулся крепким табаком. Серебристый пепел осыпался на камни мостовой.

Молодой человек скользнул взглядом по окружающей его суматохе. Привычная и в некоторой мере приятная взору и разуму безмятежная суэта небольшого городка на западе Хорватии. Городка, о существовании которого случайные визитеры забывали уже на следующее утро, очарованные роскошью европейских столиц. Городку, которому отныне суждено было стать его вторым домом. Домом, да возможно ли таковым считать бесконечную череду стран и провинций, блеск шумных столиц старого света и грязь портовых переулков, изысканные интерьеры фешенебельных отелей и осыпавшиеся от времени стен лачуг крестьян. Временное убежище, очередное пристанище, что не оставляет ни в душе, ни в сердце ни малейшего следа. Впрочем, для нужд сегодняшнего дня, это был самый лучший вариант. Мирная спокойная жизнь, незаметная для других и такая далекая от страстей и ошибок прошлого.

Ошибок... Нет.. Роберт сгасил тлеющую сигарету. Ошибка он не совершал никогда. Пасовать перед трудностями было не в его характере. Смелость, авантюризм и бесшабашность молодости соединилась в молодом человеке с осторожностью кошки и хитростью волка. Умение затаиться, просчитать и в нужный момент нанести единственно верный удар – с подобными качествами Роберт с легкостью мог добиться успеха во многих делах.

Впрочем, не за какие блага мира, молодой человек не отказался бы от дела, что составляло суть и основу всего его су-

ществования. Азартная игра на грани человеческого разума и непредсказуемой воли фортуны. Страсть, что воспламеняла кровь предчувствием триумфа и хмельной радостью победы. И пьянящее чувство свободы. Роберт ощутил аромат молодой листвы, расплескавшейся вокруг в кронах деревьев. Жить, наслаждаясь каждым рождающимся рассветом. Жить, ставя все на карту единственного дня; до дрожи в ладонях чувствовать пульсацию жизни каждого нового дня, и как никто иной понимать – завтра этого может не быть. Ведь сколь милостивой не была к нему судьба, когда-нибудь всевидящая длань правосудия окажется чуть удачнее. И вот тогда... Впрочем о том, что наступит тогда, Роберт не задумывался.

Встретив в тот памятный год свое 25-летие, Роберт смотрел на жизнь как на увлекательную азартную игру, где смелость и умение рискнуть, вознаграждается по достоинству. Не видя в большинстве своем в окружающих людях ни значимости, ни доброты, молодой человек без тени сомнения умел использовать их во имя достижения собственных целей. А цели того стоили, равно как и оплачиваемая ими цена.

Роберт являлся аферистом и вором, за голову которого правительство готово было назначить немалое вознаграждение. И одна лишь мысль о том, что полицейские ищейки должно быть в эту самую минуту с песьим нетерпением пытаются выйти на его след, воспламеняло душу юноши невольным ликованием, граничащим с презрением.

С усмешкой вскинув голову, Роберт задержал свой взгляд

на золотых искрах солнечных лучей, окропивших мостовую. Солнце стояло в зените, разливая вокруг ласковое весеннее тепло. Легкий ветерок играл листвою деревьев. На улице царило привычное оживление. Многочисленные лавки распахнули свои двери для местных жителей, которые в свою очередь заходили туда не столько ради очередной покупки, сколько ради того, чтобы перекинуться несколькими словами и обсудить планы на вечер.

Роберт бросил рассеянный взгляд на идущих мимо людей. Увлеченные своими разговорами, они в последнюю очередь обратили бы внимание на одиноко стоящего в стороне молодого человека. Для него же отсутствие интереса со стороны случайных прохожих было воистину благодатью. Менее всего рассчитывал Роберт в сложившейся ситуации заводить случайные знакомства или, что в сто крат хуже, легкие интрижки. Впрочем, для последнего как раз имелись все предпосылки. Обладая по-мужски интересной и привлекающей женское внимание внешностью, Роберт с легкостью мог завоевать сердце любой самой капризной красавицы.

Природа наделила нашего героя волевыми и в то же время благородными чертами лица. Кровь отца Роберта, сына южных провинций Франции, отразилось в чуть резких чертах молодого человека; горделивом профиле и чарующем, словно бархатном взгляде карих глаз. Темноволосый, прекрасно сложенный Роберт достойно выглядел бы среди роскоши и успеха светских приемов, воспламеняя в душах девушек

сладостную боль и желание стать его избранницей. Многие, очень многие представительницы прекрасного пола, подчиняясь слабости своей природы, оказывались в объятиях Роберта. Сколь много их было... Молодой человек сейчас уже и не вспомнит ни имен, ни образов, прошедших через его жизнь женщин. Да и возможно ли оставить в памяти след хмельных удовольствий в стенах очередного притона, или в сумраке прибоа портовых городков.

Роберт не любил и не верил в любовь. Все, что он мог выразить в отношении своей избранницы, являлось лишь великолепной актерской игрой, а притворяться в силу рода своей деятельности молодой человек умел, как никто иной. Задурманить разум разговорами и признаниями, небрежными ласками вскружить голову, чтобы потом расчетливо просто получить необходимую информацию, или, что лучше, как бы невзначай извлечь из шкатулки милые безделушки в виде пары серег или тройку-другую браслетов. В меру осторожный, Роберт никогда не шел на напрасный риск. Заранее просчитывал все возможные ходы и меры по их предотвращению. Хитрый, осторожный и чертовски обаятельный Роберт привык быть победителем, но сейчас волею судьбы был вынужден скрываться в скучной трясине провинциальной жизни маленького городка.

Минуло уже чуть больше недели, с того дня, как молодой человек покинул Загреб, дабы найти временное пристанище в этом забытом Богом месте. Небольшой городок

располагался на берегу живописной реки, несшей свои воды вдоль зеленеющих берегов и заросших безлюдных пустырей. Спокойное безмятежное существование, казалось, расплескалось в самом дыхании воздуха. Неторопливое течение жизни измерялось здесь веселыми трелями птиц на рассвете, суматохой рыночных площадей и ласкающим слух и сердце перезвоном колоколов старого храма. Узкие улочки, мощенные мостовые разбегались от центра к окраинам. Скромные жилища и яркие вывески лавок и магазинчиков сменяли друг друга, утопая в зацветающей кипенно-белой сирене. Сладко-пряный аромат цветов разливался вокруг, с наступлением ночи ласковой вуалью окутывал городок.

Роберт небрежным движением перевернул на руке массивный серебряный перстень. Странная невольная грусть, ему в принципе несвойственная, вдруг коснулась души. Все окружающие его люди жили какой-то чуждой неизведанной ему жизнью, привыкшие к скучно-предсказуемому течению дней – семейные хлопоты, работы, походы в лавки по выходным или субботние встречи с приятелями в местной таверне – это составляло суть и естество их бытия. Как странно... Роберту это было неизвестно. С самого детства маленький мальчик не знал ни родительской ласки, ни материнской теплоты. Не знал даже имени, и не помнил образа той женщины, что подарила ему жизнь.

Смутными воспоминаниями остались в душе веселая усмешка отца и его сильные руки, вскидывающие мальчиш-

ку себе на плечо. Роберту едва исполнилось 4 года, когда отец уехал во Францию. Обещал возвратиться через год, однако, страшную волею рока, ни вестей, ни прощания от него мальчик так и не получил. Погиб отец, или малодушно просто забыл об единственном сыне – этого Роберт теперь никогда уже не узнает.

После исчезновения отца жизнь мальчика резко переменилась. Скромное жилище отцовского дома сменили холодные стены приюта. Даже теперь, вспоминая те ушедшие в небытие дни, молодой человек ощутил в сердце саднящую тоску. Впрочем, именно тогда он осознал единственно верный жизненный закон – жизнь – это борьба, бесконечный и безжалостный поединок, где все средства хороши для победы. Уличные потасовки с мальчишками, ловкость и бесстрашие закаляли характер нашего героя. Смышленный и изворотливый паренек, смешавшись с ватагой таких же беспризорников, начал первый раз с развлечения ради, ловкими движениями обчищать карманы добропорядочных граждан или неосторожных зевак.

Шло время. Роберт вырос. С явным нежеланием и с небольшим старанием молодой человек закончил местное училище, и, как и большинство его сверстников, имел все шансы пойти на завод или в помощники небогатым лавочникам или виноградарям. Да, и мало ли дешевой и бесперспективной деятельности, заниматься которой своенравный и самоуверенный юноша вовсе не хотел. Познав вкус легкогоозна-

граждания, Роберт не намеревался останавливаться. На смену чужим кошелькам пришли аккуратно вскрытые автомобили, сейфы и витрины ювелирных магазинов. К последним удачливый юноша питал особую страсть, и испытывал почти физический восторг, когда в руках его оказывались чистой воды бриллианты, кровавые рубины или подобные прозрачной морской волне изумруды. Аферист или гений – кто ведаёт, в чем заключалась его власть над обстоятельствами и человеческим разумом, вот только на протяжении нескольких лет, никто не мог взять след дерзкого мошенника.

Подобно собаке, что чувствует близость дичи, Роберт чувствовал приближение опасности и именно поэтому сегодняшним днем он находился на шумной площади этого городка. Городка, которому суждено стать его домом, по крайней мере, на несколько недель.

– В данный момент моей жизни и в данной ситуации это было лучшим решением. Находиться в столице глупо и, по меньшей мере, небезопасно. Что ж, раз такой поворот совершила судьба, попробуем извлечь максимальную выгоду от ее решения, – уверенно промолвил себе Роберт.

Глупо предаваться пустому унынию. Он вновь ускользнул от рук своих теперь уже бывших приспешников. В кармане у него достаточно новеньких купюр, а вечер в таверне может быть вполне интересным.

Глава 2

Приблизившись к мраморным перилам веранды, Елена легко коснулась окропленного мириадами солнечных лучей камня, чувствуя ладонями хранимое им тепло. Чуть зажмурившись от яркого солнца, молодая женщина смотрела на раскинувшуюся в нескольких шагах от нее великолепную весеннюю свежесть сада. Легкий ветерок доносил сладкий аромат сирени, вспыхивающей кремово-белыми искорками везде, где хватало взгляда. Изумрудно-зеленую прелесть молодой листвы тополей и вязов оттеняли пушистые голубые ели, строгими стражниками стоящие с северной и восточной стороны сада. Узорчатые побеги шиповника обвивали изящные перила веранды. Пройдет несколько месяцев, и они дадут жизнь нежным алым и розовым соцветиям. Елена осторожно дотронулась острых шипов. По губам женщины скользнула спокойная умиротворенная улыбка. Бархатное тепло, разлившееся вокруг, так схоже было с тем светлым благостным чувством, что ласкало ее душу. Елена грациозным движением отбросила с лица длинные темные локоны. Подняла взгляд к акварельно-синим небесам. Бездонная лазурь без единого облачка раскинулась над миром.

– Господи, благодарствую тебе за мою любовь, за покой и радость моего дома и, самое большое счастье, что даровала мне судьба.

С волнением Элена возвратилась к плетеному креслу, где несколькими минутами ранее оставила начатую книгу и клубок пушистой пряжи. Впрочем, отнюдь не эти домашние безделицы заставляли ее сердце замирать от светлого и святого чувства, владевшего всем ее естеством – любви матери к своему ребенку. Подле кресла, в нескольких шагах от стеклянной двери, ведущей в гостиную, располагалась симпатичная колыбель, в которой мирно посапывал младенец. Осторожным бережным движением Элена поправила тонкое шелковое покрывало, нежно коснулась крошечных пальчиков. Невольная пелена слез застлала взгляд женщины.

– Маленький мой, сыночек, мой любимый. Мой Альбер, – улыбнулась сеньора. – Ангел мой.

Элена придвинула кресло чуть ближе. Села так, чтобы можно было свободно коснуться колыбели. Взгляд ее задержался на ребенке. Ее мальчик, ее сын, единственный наследник семьи Кальяри и милостивый дар судьбы за любовь ее и Александра.

Элена перевернула на руке золотое колечко, то самое, что с ласковой улыбкой одел ей на палец уже ставший супругом сеньор Кальяри под торжественную мелодию свадебного органа под сводами храма. В памяти Элены вновь воскрес искрящийся взгляд темных глаз Александра, его застенчивая в уголках губ и порой кажущаяся чуть ироничной улыбка и бережное тепло ладоней, когда мужчина привлек ее, уже свою законную жену, зардевшуюся от счастья и сму-

щения, для свадебного поцелуя. Элена улыбнулась. Ей казалось, все это – роскошное убранство церкви, молочное кремовый шелк подвенечного платья и сладко-пряный аромат ладана и догорающих свечей – произошло лишь вчера. А между тем в беззаботном благоденствии семейной жизни минула уже пара лет, с того рассвета, как Элена согласилась стать супругой Александра Кальяри.

Ему суждено было стать единственной и настоящей любовью молодой девушки. Ей судьба предрекла оказаться самым большим откровением и самой горькой потерей для самоуверенного и в чем-то циничного человека. Но это все в будущем, в туманных неясных очертаниях близившихся дней, коим, и не суждено может обрести реальность. А в дурные знаки и мутную пелену тревог Элена Кальяри не верила. Она верила в искренность слов и поступков, в чистую молитву о спасении своих близких пред циничными ударами судьбы и в человека, которому подарила свою душу и плоть.

Элене Кальяри исполнилось 25 лет. Вступив в самый расцвет прелести и женственности, она, несомненно, привлекала заинтересованные взгляды мужчин. Сеньора Кальяри была очень хороша собой. Природа щедро наделила ее красотой внешности и благородством души. Длинные темные локоны молодой женщины теплым шелком спадали на спину и плечи, отливая в сиянии солнечных лучей шоколадно-каштановым оттенком. Как же любил Александр в минуты сладостного откровения привлечь жену в свои объятия,

долгими бережными прикосновениями перебирая шелковистые локоны, источавшие волнующий аромат цветов. Красивые тонкие черты лица, нежная линия губ и бархатный омут темно-карих глаз в обрамлении пушистых ресниц – все это не могло не привлечь искушенного в женских чарах Александра.

Элена откинулась на спинку кресла. Теплое ласковое солнце заскользило по лицу и обнаженным плечам женщины. Мир вокруг нее замер в полуденной дреме. Только отдаленные трели птиц меж ветвей вязов нарушали безмолвие. Дом тоже, словно забыв об утренней суматохе, погрузился в тишину. Александр еще не вернулся с работы. Николас Кальяри весь день пропадал на конезаводе, а верная помощница Леонарда, наверное, решила прилечь отдохнуть. По губам Элены скользнула едва видимая улыбка. Она была безгранично и безотчетно счастлива. Душа ее, исполненная нежностью и благодарностью, свято верила – вся ее дальнейшая жизнь также будет хранима светлым сиянием любви и Господа. Все только начинается. Сама природа торжествовала рождение весны. Впереди их ждет много светлых и счастливых дней.

Глава 3

Вероника достала из буфета теплый белоснежный хлеб, еще хранящий аппетитно-сладкий аромат свежей выпечки. Аккуратно отрезала несколько ломтиков. Положила их на тарелку, рядом с обжаренными куриными крылышками. Возвратившись затем к столу, молодая женщина поставила блюдечко со свежими овощами. Отступив на пару шагов, с удовлетворением огляделась. Да, все вроде, было нормально. Обед был готов, чайник закипал с минуту на минуту, а ей оставалось самое малое – дожждаться возвращения супруга.

Вероника взяла лежащие на разделочном столе приборы. Осторожно протерла их тонкой белоснежной салфеткой. Положила пару вилок и нож на полотняную скатерть возле кушаний. Соблазнительные ароматы свежеприготовленных блюд все более явственно пробуждали аппетит молодой женщины и, не в силах уступить капризам собственной натуры, Вероника взяла с тарелки золотисто-обжаренный пирожок, еще хранящий тепло огня. С нескрываемым наслаждением молодая женщина вонзилась зубками в хрустящую корочку.

Доедая вкусное лакомство, молодая женщина приблизилась к распахнутому окну. Теплая волна золотистого солнечного света коснулась обнаженных рук и плеч Вероники, игривыми зайчиками заскользила по нежному лицу, затерялась в водопаде шоколадно-каштановых волос, покрывав-

ших спину и плечи. Молодая женщина на долю мгновения закрыла глаза. Прислушалась к чарующей прелести весеннего полдня. В доме царило безмолвие. В скромном, очаровательном садике, окружавшем домик, наоборот, слышался неумолчный гомон птиц, скрывавшихся среди ветвей сирени. Окна кухни выходили в сад, и, оставаясь практически незаметной для любого вошедшего во двор, хозяйка могла видеть происходящее на улице.

Жилище Вероники располагалось недалеко от окраины деревни. Неровная, заросшая по обеим сторонам колючим шиповником дорога, убегала от ворот к зеленеющей роци и окинувшимся травами лугам. Впрочем, эта дорога мало кого интересовала, за исключением случайно заплутавших проезжих, что порой спрашивали хозяев о верной дороге. Гораздо больший интерес представляла иная дорога, что вела в направлении центральной площади, скромной церкви подле и главному сосредоточению и источнику существования и благоденствия всех жителей – рыбацкой пристани. Именно там, на хрустальных водах Адриатики, с первыми лучами солнца раскидывали по ветру паруса скромные лодчонки рыбаков. В любое время суток там царило привычное оживление. Бойкая торговля свежими дарами морских глубин, перемешивалась с веселыми окликами старых приятелей, встретившихся вновь после недолгой разлуки вчерашнего дня. Ей вторил бархатный шепот морской волны, ласкающей своим хрусталем неприступные выступы скал, об-

ступившие залив и смех молодых девушек, любивших приходить сюда – кто по просьбе матери купить свежей рыбы или же как бы невзначай намекнуть очередному кавалеру о месте и времени скорого свидания.

С наступлением сумерек жизнь затихала, принимая уже иные черты и сущность. Волшебница луна разливала серебристое сияние над беззвучной гладью моря. Волны робко целовали влажный песок. Ветерок затихал в ветвях деревьев. Очертания лодок, ушедших в ночь, подобно таинственным птицам, возникали над поверхностью моря. Иногда, то здесь, то там по побережью вспыхивали огоньки маяков и через мгновение таяли в сумраке. А небо гляделось в водную гладь, такую же непознанную и манящую мятущиеся души. Порой пустынный берег становился временным убежищем для одинокого любителя заглушить дневные тревоги бутылкой другой крепкого напитка, или свидетелем искреннего счастья и признания влюбленных, обретших незаметный для других уголок нежности и уединения.

Вероника прожила всю свою жизнь в неторопливом течении дней этого места, и всем сердцем любила очарование побережья Адриатики. С самого детства она проводила долгие часы на берегу вместе с отцом. Став взрослее именно там она встретила со своим будущим супругом – Фернаном и, после веселой шумной свадьбы, теперь уже законная жена, отныне она также ждала своего супруга после рискованных походов в море, стараясь не выразить ту тревогу и страх, что

нет, нет, да и вспыхивала в сердце помимо воли. Вероника безгранично любила своего супруга, человека после смерти родителей ставшего ей самым близким и родным. Одинокими ночами молодая женщина подолгу лежала в холодной постели, прислушиваясь к трелям соловья в саду, не могла заснуть и вновь и вновь жарко молила Всевышнего – уберечь его единственного, от жестоко рока и изменчивой глади моря, что способна увлечь в свои смертельные объятия.

Молодая женщина коснулась ладонью длинных распущенных волос, поправила шелковистые локоны. Скользнула взглядом по тонушем в золоте солнца саду.

– Так странно, но я до сих пор не смогла привыкнуть к одиночеству в стенах этого дома. И, наверное, никогда уже не привыкну, – тихо промолвила Вероника. Дом, где в былые дни царила суматоха и смех, сейчас казался ей непривычно спокойным. – Сара, милая моя сестренка. Как ты теперь живешь, так далеко от нашего дома. Я знаю, я верю – ты обрела там счастье и любовь. Николай достойный и добрый человек. Но только мне не легче от этого, – Вероника вздохнула. – Сара, я не думала, что ты решишь оставить наш край.

Веронике вспомнились детские годы. Беззаботное время, когда все – мать, отец, и сестра были рядом с нею. Светлое счастливое время, минуты, которые, она, возможно, не ценила и лишь теперь осознавала – порой так остро больно – счастье может разлететься на осколки в одно мгновение.

– Господи, я знаю, что не имею права сетовать на судьбу.

За все страдания и слезы ты даровал мне любимого мужа и, – к сердцу подступила сладкая волна счастья. Вероника ласково коснулась ладонью талии. – Ты ведь все чувствуешь, мой маленький. А я тебя очень, очень люблю. Мой малыш. Мой мальчик.

Вероника беспечно рассмеялась. Странная уверенность, что у нее родится сын не покидала молодую женщину с того самого дня, когда она узнала, что понесла ребенка. Фернан с ни меньшей нежностью и теплотой ожидал рождения наследника. Если родится сын, глава семье передаст ему в управление скромную лавку и простую обласканную морскими бурями лодку. А если дочь... Нет, про девочку они не задумывались.

Вероника вновь бросила взор за окно и почувствовала, как в радостном нетерпении заколотилось сердце. По дороге, что вела к дому, быстрым шагом направлялся Фернан. Хлопнула калитка в саду. В радостном ожидании Вероника метнулась к столу.

– Здравствуй, моя радость, – Фернан с нежностью привлек жену к себе. Руки его ласково коснулись длинных распущенных локонов, бережно дотронулись ровной линии плеч.

– Привет, – прошептала Вероника. С улыбкой молодая женщина мягко отстранилась от мужа. – Фернан, давай, переодевайся, и я тебя жду к столу. Давай, не задерживайся, пока обед горячий.

– Не смею задерживать, – улыбнулся сеньор.

Буквально через пару минут Фернан возвратился.

– Как день прошел? Утренний улов удачный был? – поинтересовалась молодая женщина.

– Более чем. Прошлой ночью небеса оказались к нам благосклонными. Море было на удивление тихое. А дары морских глубин не могли не порадовать. Впрочем, даже самый лучший улов не посмеет сравниться с радостью – наконец-то возвратиться домой, – Фернан придвинул ближе тарелку.

Вероника с нежностью смотрела на супруга. Как же она любила эти минуты спокойного благостного уединения, когда весь остальной мир оставался там, за стенами их скромного домика; когда светлое чувство любви наполняло каждую секунду их существования, каждый взгляд, каждое неосторожное касание рук.

– Как ты себя чувствуешь, милая? – участливо поинтересовался Фернан.

Вероника рассмеялась. Грациозным движением отбросила с лица каштановые локоны.

– Все отлично. Чувствую я себя хорошо, как никогда.

– Ты ешь, давай. А, то, наверное, пока меня ждала, ничем не подкрепилась – промолвил сеньор.

Вероника положила на тарелку пару аппетитных зажаренных крылышек. С явным удовольствием вонзилась в них зубками.

– Не правда, Фернан, – произнесла молодая женщина, управившись, наконец, с первой порцией вкусного куша-

нья. – Пока тебя ждала, не удержалась. С завтрака оставались булочки с сахарной пудрой. Так вот, больше их нет, – беспечно рассмеялась Вероника.

Фернан с нежностью смотрел на жену. Как же сильно он ее любил, в ее милой почти детской наивности. В ее искренних и таких естественных проявлениях чувств и помыслов. Милая нежная девушка бесхитростная и добрая в отношении каждого, кто встречался на ее пути. Любящая и любимая всем сердцем. Женщина, при мысли о которой, душу решительного и хладнокровного порой рыбака, наполняла нежность и тепло.

– Милая моя, Вероника, а тебе и не нужно в чем-то себя сдерживать, – рука его ласково легла на хрупкое запястье супруги. – Особенно теперь. Если тебе чего-то хочется, говори мне сразу. Ладно?

Молодая женщина улыбнулась:

– Родной мой, я знаю, что любой мой каприз ты выполнишь. Я никогда и не сомневалась в этом. Единственное, что я желаю более всего – Вероника не отводила от супруга темно-карих глаз. В их бархатной глубине вспыхнули невольные искорки слез. – Фернан, пожалуйста, будь всегда рядом со мною.

– Девочка, моя милая, – его рука нежно ласкала пальцы жены. – Как бы я этого тоже хотел. Каждый раз, уходя в море, я храню в душе и памяти твой нежный образ, мой ангел. И самый долгожданный и счастливый миг, когда я пересту-

паю порог нашего дома. И знаю, что ты, любимая, ждешь меня. А совсем скоро вы вместе будете ожидать меня.

Вероника склонила голову. Теплая волна счастья подступила изнутри.

– Я очень этого жду. Когда маленький появится на свет. Господи, мне даже порой не верится в это. Фернан, когда маленький родится, я очень хотела бы пригласить Сару. Она давно не навещала нас. И я очень соскучилась по моей милой сестренке.

Фернан с нежностью смотрел на жену.

– Конечно, родная. Обязательно мы позовем Сару. – мужчина легко коснулся щеки Вероники. – Не тревожься ни о чем, нежная моя. Самое главное – это твое спокойствие и наш будущий ребенок. Наш сын.

– Я люблю тебя, Фернан. Как же я тебя сильно люблю, – сквозь пелену невольных слез прошептала Вероника. По губам ее скользнула улыбка.

– Береги себя, ангел мой. Любовь моя, – тихо промолвил Фернан.

В саду среди теплых всполохов солнца звонкая трель соловья разрезала тишину, светлой мольбой о счастье возносясь к лазурно-синим небесам.

Глава 4

Неторопливо приблизившись к распахнутому окну, Никос бережно раскрыл ладонь. В то же мгновение искрящийся поток солнечных лучей обратился глубиной морской бездны, разбиваясь на сотни граней неровного кристалла. Пальцы мужчины осторожно, с затаенной нежностью, словно трепетной прелести женского тела, коснулись изысканной драгоценности. Никос не отводил взора от камня. Взгляд его погрузился в бездонную глубь роскошного творения природы. Солнечные лучи преломлялись в бесконечной игре красок и полутонов, за пару мгновений открываясь взору то аквадельной лазурью, то иссиня-свинцовой вуалью.

– Вижу понравилось? – послышался за спиной сеньора чуть насмешливый голос. Удерживая камень в ладонях, Никос обернулся. По губам его скользнула улыбка.

– Это настоящее великолепие. Редкий по чистоте и размерам сапфир.

Никос приблизился к массивному дубовому столу, на поверхности которого на тончайшем черном шелке лежали россыпи изумрудов, белоснежные округлые жемчужины и кроваво-алые рубины, но никто из них не шел в сравнение с той прелестью, что удерживал в своих руках хозяин. С невольным сожалением Никос положил сапфир чуть в стороне от остальных.

– Лучшие драгоценности из самого сердца Индии. Черт возьми, Никос, я не предполагал, что такие существуют, – промолвил собеседник, с не меньшим интересом лаская взглядом, лежащие подле драгоценности.

– Он прекрасен, – Никос небрежным движением подвинул стул. Занял свое любимое место подле окна.

– И достоин не худшей огранки, ведь так? Создать которую подвластно лишь таланту и бережным прикосновениям настоящего мастера.

Никос задержал взгляд на украшении, точнее на том, что обретет черты роскошного ожерелья или блистательного перстня чуть позже. Затем перевел взгляд на старинного приятеля.

– Это редкий подарок, о котором смеет мечтать любой ювелир. Прикосновение к подобному сокровищу наполняет душу восторгом, сравнимым лишь с любовным наваждением, – произнес Никос. Ладонь его легла на край стола. По тонким пальцам мужчины скользнул невольный озноб. В сознании сеньора вспыхнули волшебные грани причудливого перстня или роскошного обручального кольца. Чарующие объятия белого золота берущие в свою власть акварельной-синий сапфир.

– Никос, я полагаю, пока есть время, мне лучше придержать этот камень у себя. Желающих владеть этим чудом очень много. А в твоей коллекции он может стать подлинным шедевром. Представь только – сколько твои салоны по-

лучат прибыли за продажу подобного шедевра, – приятель нашего героя коснулся молочно-бледных жемчужин. – Или я ошибаюсь?

Никос перебросил на запястье массивный браслет часов. Скользнул взглядом по окружающей его обстановке.

– Нет! Для этого шедевра предназначена совсем иная роль. Ему не место на хрустальных витринах моих ювелирных салонов. Ему предстоит совершенно иное.

– Догадываюсь, приятель, что твои намерения касаются этого камня ... – начал было собеседник нашего героя, как вдруг неожиданно распахнулась дверь, отворить которую вряд ли кто решился без надобности в подобный час и через мгновение на пороге появилась молодая девушка. Явно не ожидавшая встретить здесь постороннего, в первую минуту она с растерянной улыбкой замерла, не решаясь переступить дальше. На милом лице девушки читалось очевидное смущение и одновременный интерес к происходящему.

Неловким жестом она перебросила на запястье золотой браслет, вспыхнувший сотнями граней рубинов. Точно такие же кроваво-алые искорки заискрились в гранях серег и колечка. Истинная роскошь настоящих драгоценностей – опытный взгляд мастера сразу мог оценить их благородство и чистоту. Впрочем, прелесть украшений робко терялась в сравнении с очарованием их хозяйки.

Девушка, встретив в ту счастливую и одновременно горькую весну свое 22-летие, являла собой образ искреннего си-

нения молодости и красоты. Длинные локоны молодой особы теплым шелком соскальзывали по спине и плечам; маленькая серебряная заколка удерживала непослушный водопад локонов приятного взору темно-каштанового оттенка. Красивые глаза девушки напоминали таинственные лесные озера, хранившие в своей бездонной изумрудной глубине нежное тепло и тихую радость благодати, что исполняла сердце и душу. Порой в минуту задумчивости и невольной свойственной ее природе отстраненности, взгляд девушки, казалось, застывал, обращаясь в прохладное мерцание изумруда; впрочем, едва ласковая улыбка касалась ее нежных губ, взгляд очаровательной особы наполнялся в то же мгновение сиянием и лаской. Аристократично-тонкие черты лица, нежная подобно лепестку розы кожа и гордая осанка говорили лучше любых слов о благородстве крови и семьи этой девушки.

Изысканное платье из тончайшего льна деликатно подчеркивало женственные формы незнакомки, стройные ноги и изящные босоножки неизменно привлекали заинтересованные взгляды окружающих. Юноши бросали на нее жадные взоры, уважаемые отцы семейств гадали, кому же в высшем свете повезет соединить свою судьбу с судьбой наследницы одного из самых обеспеченных и влиятельных людей в столице, а более того – в своей профессии – лучшего ювелира страны Никоса Метаксаса. Девушка, столь дерзко нарушившая беседу двух старых приятелей, являлась желанной

наградой и объектом сладких грез тщеславных юношей и самой главной драгоценностью, а по сути смыслом всей жизни Никоса, его единственной дочерью – Александрой. Единственным человеком, во имя счастья и благоденствия которого, циничный и порой жестокий Никос был готов пожертвовать всем, ни мгновения не терзаясь сомнениями.

Никос Метаксас родился в пригороде Афин в семье успешного ювелира. Отец нашего героя владел небольшим ювелирным магазинчиком в столице. С самого детства маленький мальчик являлся невольным свидетелем роскошных драгоценных камней и сияния вечных металлов. Искренний детский интерес изначально привлек совсем юного Никоса в небольшую мастерскую отца. С течением времени все более очевидным и осознанным становилось желание Никоса продолжить дело родителя. Часами молодой человек мог проводить в ювелирной, точными и тончайшими движениями пальцев создавая поистине прекрасные украшения. Заметив очевидный талант сына, глава семейства предложил последнему взять в управление одну из ювелирных лавок в центре Афин.

Уверенный в своих силах и амбициозный Никос, однако, не намеревался останавливаться на скромной роли простого руководителя ювелирного магазинчика. Молодой человек грезил о большем признании, и, самое главное, о возможности выразить свой талант в сиянии роскошных бриллиантов и граней золота. Продав одну из лавок, Никос создал

на вырученные деньги, собственную линию дизайнерских украшений. Невзирая на очевидные сомнения отца, наш герой представил свое творение на суд европейских ценителей роскоши на ежегодной выставке в Милане. С того памятного дня жизнь семье круто перевернулась. Серьезные заказы, контракты и предложения от известных торговых домов стали обыденной реальностью. Впрочем, готовность порой рисковать, а порой целыми сутками пропадать то в ювелирном салоне, то в мастерской, не стала серьезной проблемой. Никос был к ней готов.

Гораздо серьезным оказался другой момент. Никосу предложили открыть собственную сеть ювелирных салонов в Хорватии, что неизменно означало увеличение прибыли в разы, серьезный выход на восточноевропейские рынки и исходящий из этого непереносимый переезд в соседнее государство, отделяемой от святой земли Эллады хрустальными водами Адриатики. Сердце самоуверенного мужчины коснулась невольная ладонь ледяной тоски. Что-то в самой глубине души неприятной горькой ноткой подсказывало ему – возврата к прошлому уже не будет. Никогда!

Отец святым благословением напутствовал сына в новую жизнь. С собой Никос забирал теплые воспоминания о нежно любимом родном крае, папку подписанных на сотни тысяч долларов договоров, и молодую жену. Именно она стала самой большой радостью и главным другом и поддержкой для сеньора. Милая, очень красивая женщина без тени со-

мнения покинула свою родину и отчий дом, дабы открыть новую страницу жизни на чужих берегах.

Судьба и фортуна оказались благосклонны. В Хорватии Никос Метаксас добился большого успеха. Роскошные ювелирные салоны открылись во многих городах, сам сеньор построил великолепный дом в изысканном стиле античного храма, однако, самой большей радостью для молодых супругов стало рождение очаровательной малышки. Девочку нарекли Александрой. Какими же светлыми, исполненными сияющей радостью благоденствия казались сейчас эти дни, за пеленою минувших лет.

Никос задержал взгляд на вошедшей дочери. Как неотвратима и порой жестока судьба... Как же хороша его милая девочка. С каждым прожитым днем она все больше напоминала ему и окружающим покойную мать. Столь же мила, добра и очаровательна, как и ее матушка в молодости.

«Ах, если б твоя мать могла видеть, какая ты стала взрослая, ангел мой,» – с нежностью и одновременной болью мелькнуло в душе Никоса. Как странно. Минуло уже почти 20 лет с того горького дня, однако, боль и отчаяние до сих пор застыли ледяными осколками в сердце. Как-будто вновь Никос стоял на коленях подле супруги, прижимая к себе ее истерзанное тело. Солнечные лучи разливались над окружающим миром, а душу накрыл беспросветный мрак. Грациозная кобылка в нескольких шагах безмятежно склонила голову к цветущему кустарнику жасмина. Она и не догадывалась,

что ее безрассудный нрав стал причиной столь трагического исхода. Супруга сеньора Метаксаса погибла в результате падения с лошади. Охваченный отчаяньем, Никос намеревался застрелить благородное животное, однако, слуги удержали его от безрассудного греха. Затем пришел час горькому мгновению прощания, водопад алых и желтых роз на мраморе надгробия и осознания – теперь он один. Вся дальнейшая жизнь становится бесконечным путем одиночества во мраке. Во мраке, где милостью Господа, сияла единственная звезда – его дочь, жемчужина его души.

Никос с улыбкой смотрел на дочь.

– Проходи, моя дорогая, – с теплотой в голосе промолвил сеньор.

Александра немного смущенно улыбнулась.

– Здравствуйте, – она улыбнулась в знак приветствия собеседнику отца. Девушка приблизилась к отцу. Ласковым движением мужчина привлек Александру к себе, бережно коснулся губами щеки дочери.

– Простите, я вам, наверное, помешала, – чуть робко сказала девушка.

– Вообще нет, Александра. Наоборот, ваше появление хоть немного развеяло нашу скучную беседу, – с улыбкой произнес собеседник хозяина. Взгляд мужчины оценивающе скользнул по милому лицу и фигурке девушки.

– Александра, вы очаровательны. Ваша прелесть в сто крат сильнее волнует взор и душу, чем роскошь всех дра-

гоценностей, что я когда-либо видел в своей жизни. Даже предположить не смею, насколько повезет вашему будущему избраннику.

Невольным румянцем смущения вспыхнуло лицо девушки. Стараясь его скрыть, Александра поправила тонкий пояс платья.

– Ладно, ладно... Довольно, комплиментов, – добродушно произнес Никос. – Александра, дорогая, ты что-то хотела мне сказать? Что-то срочное?

– Нет, нет. Просто Теодорос попросил передать тебе, что собирается поехать в город. Чтобы ты его не искал, – сказала Александра.

Не любившая излишнего внимания к своей персоне, девушка хотела покинуть кабинет отца. Она еще о чем-то хотела ему рассказать, но не то время, не тот момент, видимо, выбрала.

– В таком случае, не стану тебя задерживать. А Теодорос может сам решать, как ему действовать. Сегодня он мне не понадобится, – сказал хозяин.

– Спасибо, – Александра бросила быстрый взгляд на гостя. – Всего вам доброго.

– Удачи тебе, моя хорошая, – тепло улыбнулся собеседник.

Александра покинула кабинет. Возвратившись к столу, Никос вновь взял в руки изысканный камень.

– Самый лучший сапфир, я теперь вижу, предназначен

для нее, не так ли? – нарушил безмолвие голос гостя.

Сеньор Метаксас протянул раскрытую ладонь с лежащим на ней сапфиром. Бирюзово-синее свечение вспыхнуло в то же мгновение.

– Завтра утром я отправлю к тебе Теодороса с выписанным чеком на покупку этого камня. Никто более не должен его видеть.

Глава 5

Элена приблизилась к полуотворенной двери балкона. Ласковый ветерок легко, словно играючи, коснулся лица и обнаженных рук женщины. Элена осторожно убрала в сторону тонкую портьеру, и в то же мгновение дурманящий аромат сирени закружился по комнате, принося с собой бархатное таинство весеннего вечера. Смеркалось. На лазоревом-алом небосводе, истекающем кровавыми слезами заходящего солнца, то здесь, то там вспыхивали молочно-бледные звезды. Благостное безмолвие спустилось на мир, без следа сгасив дневную суматоху, и даже беспокойные птицы притихли в цветах жасмина, раскинувшегося под окнами.

Элена любила это время, когда наступали минуты неторопливых бесед за ужином; когда тепло семейного очага хоть на краткие часы помогало забыть о тревогах и сомнениях минувшего дня. По губам Элены скользнула счастливая безмятежная улыбка. Возвратившись к трильяжу, сеньора взяла изящный черепаховый гребень, украшенный причудливым узором жемчужной россыпи. Грациозными движениями начала расчесывать длинные темно-каштановые локоны. Теплый шелк волос разметался по плечам. Вскинув голову, молодая женщина задержала взгляд на своем отражении в хрустальной глади зеркала.

– Неплохо. Совсем даже неплохо, – рассмеялась Элена.

Молодая женщина аккуратно прибрала длинные локоны, закрепила непослушные пряди маленькой заколкой в форме изящной бабочки. Элена, возможно, еще какое-то время провела бы, с истинно женской беззаботностью любуясь собственным образом, однако, неожиданный шум шагов в коридоре и последующий за ним стук отворяемой двери, нарушил одиночество хозяйки. Сеньора обернулась.

– Донна Элена, могу я войти? – негромкий чуть робкий голос прервал уединение молодой женщины.

– Конечно. Катарина, проходи, моя дорогая, – приветливо улыбнулась хозяйка вошедшей девушке.

Осторожно притворив дверь, Катарина переступила порог спальни. В руках она удерживала светло-кремовое платье тончайшего шелка. Роскошная ткань переливалась изысканным перламутром в неровном сиянии заходящего солнца. Изящный пояс перехватывал платье на талии. Аккуратно удерживая наряд, Катарина приблизилась к постели. Осторожно положила платье на шелковое покрывало.

– Сеньора Элена, платье ваше я привела в полный порядок.

– Спасибо тебе, моя хорошая, – рассмеялась Элена. – Честно признаться, я так расстроилась, когда увидела в какое состояние пришло мое платье. Хотя сама, конечно, виновата. Опрокинула на него полный бокал вина.

– От вина не осталось ни малейшего следа, – спокойно промолвила Катарина. – Я уберу платье в гардероб.

– Благодарю тебя. Даже не представляешь, как я тебе признательна. Это самое платье я как раз собиралась надеть на ближайшую субботу.

– Вы куда-то собираетесь пойти вместе с сеньором Александром? – невинно поинтересовалась Катарина. Ах, если б на мгновение стоящая подле нее женщина смела представить каких стараний стоило Катарине это безграничное спокойствие, в то время как душа ее захлебывалась от ревности, обиды и отчаянья. Отворив изящные дверцы шкафа, Катарина повесила платье рядом с остальными нарядами сеньоры Кальяри. На долю мгновения девушка задержала взгляд на дорогой роскошной одежде. Небрежным движением скользнула кончиками пальцев по тонким тканям.

«Отчего так? У нее есть все: великолепный особняк, дорогие приемы с изысканными деликатесами и французским шампанским. У нее есть – он – Александр, – в сердце Катарины вспыхнуло жаркое жадное пламя, именуемое самым горьким из человеческих чувств – завистью. Острые ноготки девушки вонзились в ладонь. – Мой Александр. Мой любимый. Рядом с ней, каждую ночь она с ним. Она, а не я, – Катарина глубже вздохнула. – Господи, как же это тяжело находиться в этом доме, быть невольным свидетелем их счастья. Нет, – пронзило сознание девушки. – Несчастлив Александр с нею. Я это чувствую, я это знаю.

Катарина обернулась. Бросила мимолетный взгляд на Элену. Что именно испытывала Катарина к этой женщи-

не – сложно было выразить в нескольких словах. Вся гамма переживаемых чувств разнилась от банальной зависти до испепеляющей ненависти. С необъяснимой дрожью в ладонях Катарина поправила маленький золотой медальон, подаренный ей Эленой на минувший день рождения. В памяти молодой женщины вновь воскрес тот миг, когда она впервые ступила под своды этого дома. Не зная подобного изысканного убранства и прелести интерьера, скромная девушка в первые минуты растерянно молчала, не находя ни слов, ни жестов, дабы выразить владевшие душой чувства. Еще вчера она спала на истертых временем простынях деревенской хибары, а сегодня шла по начищенному до блеска паркету. Как странно и непредсказуемо складывалась ее судьба. Кто ведал, чьей всевластной волей озаряется ее дорога?

Катарина попала в дом семье Кальяри совершенно случайно. Не обладая по воле рока ни благородством крови, ни знатностью фамилии, девушка прожила большую часть своей жизни в небольшой деревушке на границе Хорватии и Сербии. Спокойное беззаботное течение дней переменялось в один час, когда в страшном пламени пожара безоглядно сгнуло то небольшое, что ей принадлежало – скромный домик на окраине хутора и незначительные средства, оставленные покойным отцом. Потеряв последнюю надежду и утешение, несчастная девушка обратилась за помощью к близким соседям. С явной неохотой ее приютила к себе бывшая приятельница покойной матери.

Незавидная роль отводилась отныне миловидной спокойной девушке. С рассвета до завершения дня Катарина помогала по дому хозяйке, а с наступлением ночи молила Господа лишь об одном – вырваться из этого горького омута нищеты и безнадежности. Впрочем, освободиться от тягостного течения времени маленькой деревушки казалось равноценно чуду. И оно свершилось, презрев здравый хлад разума и доводы логики. В один из вечеров молодая девушка возвращалась домой с рыночной площади, когда возле нее медленно затормозил роскошный автомобиль. Спокойный приветливый голос окликнул Катарину. Незнакомец в удивительно вежливой и столь отличной от окружающих ее форме общения, обратился с вопросом о помощи и ночлеге. Растерянная Катарина не нашла ничего лучше как предложить ему остаться на ночь в доме, где приют обрела и она сама.

Сеньор щедро отблагодарил семью своих новых знакомых. За вечерним ужином мужчина как бы невзначай упомянул, что в родном доме ему так не хватает лишней помощи. Расчетливая хозяйка предложила ему взять к себе нежеланную и явно ненужную здесь девушку, к которой не испытывала ничего кроме раздражения, хоть и умело скрывала это. Человека, этого столь неожиданно вошедшего в дом и жизнь Катарины – звали Николас Кальяри. С искренней человеческой добротой и состраданием мужчина предложил девушке шанс открыть совершенно новую страницу жизни, забыть о прежних лишениях и утратах. Если б благородный сеньор

Кальяри ведал, к чему приведет его поступок, с большим желанием он бы испепелил собственные руки, предложившие эту помощь.

Так Катарина оказалась в семье Николаса. Милую девушку с искренней теплотой приняла Элена, которой действительно лишняя помощь и поддержка вовсе не была лишней, учитывая то состояние, в котором она прибывала. Элена ожидала рождения ребенка и весь это непростой период рядом с ней была Катарина. Благородная и добрая Элена относилась к девушке, не как к служанке, а как к близкому человеку, с которым делилась своими тревогами, надеждами и планами.

Щедрая Элена без сомнения и раздумий дарила девушке красивые наряды, учитывая крайне бедственное положение последней, не раз презентовала ей милые женскому сердцу мелочи, вроде дорогого флакона парфюма, симпатичной заколки или пары-тройки помад. Отношения между ними на первый неосторожный взгляд могли показаться идеальными, напроць, лишенными хозяйского снобизма и презрения, если б не один нюанс, придающим этим отношениям абсолютно иной характер – Катарина была любовницей Александра, и не существовала для нее ни единого рассвета, когда девушка бы усомнилась или раскаялась в совершенном ею грехе.

Катарина влюбилась в Александра Кальяри с того первого мгновения, когда взгляд ее серых глаз встретился с испепе-

ляющее властным взглядом черных глаз Александра. Взгляд, в таинственной магии которого, столь многие женщины теряли волю и честь.

Катарина не стала исключением, с той лишь разницей, что к неопытной наивной девушке циничный сеньор проникся нежностью и теплотой. Сеньора Кальяри Катарина полюбила всем своим естеством, ни чувствуя в себе ни сомнения, ни угрызений совести по отношению к женщине, которая с искренним доверием считала ее больше подругой, чем домработницей.

Катарина вновь посмотрела на хозяйку. Елена грациозным движением поправила тонкую золотую цепочку, увенчанную крестиком. Лучи заходящего солнца играли на шоколадно-каштановых локонах молодой женщины, скользили по плечам и платью. В душе Катарины вспыхнул лихорадочный озноб ненависти.

«Наивная дурочка, как же ты можешь так слепо верить и мне, и ему, – усмехнулась девушка. – Если б только ты ведала – почти каждую ночь Александр проводит в моих объятиях. Ты ему не нужна. Ах, если б еще у вас не было ребенка. Ребенок.. – по губам Катарины скользнула едва видимая улыбка, а к сердцу подступила светлая безграничная нежность. Скоро он все узнает. Скоро...

– Катарина, спасибо тебе еще раз, моя хорошая. За помощь и с платьем особенно, – рассмеялась Елена. – Мне пора идти. Не хочу, чтобы Александр или Николас меня ждали.

– Конечно. Александр уже возвратился домой, – спокойно все в том же тоне промолвила Катарина.

Ничего не сказав более, Елена покинула спальню. В коридоре царил полумрак. Уверенным шагом молодая женщина миновала то незначительное по сути расстояние, что отделяло спальню второго этажа от лестницы; бегом сбежала по отполированным до блеска ступеням и через несколько минут вошла в столовую. В тоже мгновение соблазнительные ароматы свежеприготовленных кушаний коснулись обоняния, пробуждая аппетит и мысли о вкусном ужине. На столе на тонкой полотняной скатерти на семейном фарфоре и серебре дымились аппетитные блюда. Тонко нарезанные хлебцы на блюде, мясное рагу с соусом, спагетти с пармезаном и изысканное итальянское вино в чуть запотевшем графине – составляли картину семейного ужина.

Во главе массивного стола сидел мужчина. Перед ним лежала развернутая страница газеты и, увлеченный видимо очень важным для него действием, сеньор не обращал внимания ни на аппетитные блюда, ни на вошедшую Элену. Впрочем, ее подобное поведение не удивило. За время совместной жизни под одной крышей с отцом Александра, молодая женщина привыкла – для сеньора Кальяри семейное дело было всем и зачастую, увлекшись заботами рабочих будней, даже дома сеньор оставался верен своим привычкам. Елена улыбнулась:

– Добрый вечер.

Мужчина обернулся. При взгляде, брошенном на молодую женщину, в темных глазах Николаса вспыхнула искренняя отеческая нежность. По губам сеньора скользнула улыбка.

– Здравствуй, моя дорогая, – Николас ласково взял ладонь Элены в свои руки. Галантно коснулся губами.

– Здравствуйте, – рассмеялась Элена.

– Проходи, присаживайся, – Николас отодвинул стул в сторону.

Элена заняла свое привычное место.

– Как прошел ваш день? – поинтересовалась женщина.

Николас уверенным движением сложил страницы газеты. Отбросил ее на кресло рядом. Перевел взгляд на Элену.

– Как обычно. Сегодня на конезавод приезжали новые покупатели. Дай Бог, нам удастся заключить ряд договоров на то потомство, что ожидается через пару месяцев. Скорее всего мне нужно буде поехать для удачного развития этих контрактов в Иорданию. Местные ценители роскошных скакунов проявляют немалый интерес к нашим лошадкам.

– Как интересно, – с детской непосредственностью рассмеялась Элена. В отношениях с отцом Александра она никогда не прикрывалась фальшивым безразличием фраз высшего этикета. С самого первого дня их знакомства, молодая женщина искренне привязалась к отцу своего супруга, делилась с ним совершенно разными мыслями и наблюдениями, и неизменно находила поддержку и добрый совет. – А как

долго продлится ваш визит?

Николас поправил край светлой скатерти.

– На приличный срок. Скорее всего не меньше пары месяцев, – задумчиво сказал мужчина. – Но дело наше того несомненно стоит. Знаешь, милая моя девочка, порой я начинаю думать, кому все это достанется, когда наступит мой час отойти от дел. Александру все это абсолютно безразлично, – В голосе Николаса чувствовались неожиданные нотки грусти.

Элена с невольным удивлением задержала взгляд на лице сеньора.

– Да, что вы такое говорите, сеньор Николас. Да, вы еще один год будете управлять конезаводом. А Александр, он, – Элена мгновение помедлила. – Он полностью посвятил себя медицине.

Николас улыбнулся:

– Мой сын настоящий профессионал. Я даже не предполагал, честно признаться, что Александр изберет медицину своим жизненным путем. Он прекрасный специалист, с этим не поспоришь. А во мне, наверное, говорит обычный отцовский эгоизм. В глубине души мне, конечно, хочется, чтобы мой дело принял в свои руки единственный наследник нашей фамилии.

Элена грациозным движением отбросила с лица непослушные пряди.

– Кто знает, как сложится судьба. Нам неизведанны пути

грядущего.

– Согласен. Быть может Альбер в свой черед станет моим единомышленником, – сорвались с губ мужчины неожиданные слова.

Элена с улыбкой отмахнулась:

Пока о подобном предполагать еще очень рано. Альбер еще так мал.

– В предреченный судьбою час он сам выберет свою дорогу, – Николас задержал взгляд на очаровательном лице Элены. – Элена, позволь мне тебя попросить. – Голос его стал серьезным, а рука, коснувшаяся изящных пальцев женщины, чуть дрогнула. – Никто из нас не властен над своею судьбою. И жизнь порой может принести совершенно неожиданные перемены. Я прошу лишь об одном. Сбереги свое счастье, мир в своем доме и любовь. Вашу любовь с Александром.

Элена улыбнулась сквозь невольную пелену слез, коснувшихся взгляда.

– Я люблю Александра, и нашего с ним сыночка больше всех на свете. Я никогда их не предаю, до тех пор пока буду способна дышать и чувствовать, пока будет биться мое сердце. Я их не предаю.

Последние ее тихие, искренние слова потонули в шуме шагов в холле. В столовую вошел Александр.

Глава 6

Роберт остановился в небольшом очень скромном, даже по взглядам местных жителей доме, расположенном в самой крайней части оживленного квартала ремесленников. В любое время дня и ночи здесь царила суматоха и беспрестанная переключка голосов, стука отворяемых дверей, веселых окликов, долетавших из окон, или слишком громких споров двух подгулявших приятелей, решивших в пылу хмельного угара обсудить именно им только ведомые и такие необходимые события или поступки.

Маленькая комната, ставшая временным прибежищем нашего героя, находилась на втором этаже и окнами выходила на шумную мостовую. Скромное убранство ее составляло деревянная кровать, застланная пестрым потрепанным временем покрывалом, и парой подушек, умело залатанных старательными руками хозяйки; потрескавшийся стол, чью поверхность изрезали глубокие неровные впадины, кресло и пышный цветок в большой деревянной кадке возле окна. Тонкие занавески на узорчатых гардинах и коврик на полу дополняли скромный интерьер. Мягкое сияние ночника расплескалось по комнате.

Приблизившись к столу, Роберт взял оставленную с утра сигарету. Вспыхнул яркий огонек и серебристый дымок заструился по комнате. Затянувшись, мужчина вышел на бал-

кон. И в тот же миг шумная суэта вечернего городка неотступными волнами начала накатывать с обеих сторон. Опершись рукою о перила, Роберт скользнул взглядом по непрестанному людскому потоку под его балконом.

Молодой человек вздохнул. Спокойная, скромная жизнь городка с наступлением сумерек преображалась. Тусклые фонари вдоль улицы расцветивали вывески лавок; яркое сияние света изливалось из широко распахнутых дверей и отворенных окон таверны напротив. Роберт стряхнул серебристый пепел. Взгляд его задержался на двух мужчинах, выходивших из таверны. Пара подвыпивших приятелей, явно разгоряченных испитыми ранее хмельными винами, остановилась на пороге прибежища человеческих грехов и слабостей. Видимо чем-то очень увлеченные, они разговаривали. До Роберта долетал хриплый смех, впрочем, сливаясь с суматохой и шумом улицы, они пропадали без следа и вряд ли могли привлечь внимание, даже такого осторожного и внимательного человека, коим являлся молодой человек.

Роберт вновь вдохнул горько-пряный привкус табачного дыма. Сумрак весеннего вечера расплескался вокруг темной вуалью. Чуть дальше, где хватало взгляда, выступали очертания домов, расцветенных зажженными окнами. С первого этажа здания на тротуар разбрызгались искры света – это означало – на кухне хозяйка, либо кто-то из зашедших к ней в гости решили провести время за чашечкой-другой чая. Роберт сгасил сигарету. Сладко-пряный аромат сирени, соеди-

няясь с горьковатыми нотками табака, приятно кружил голову, разливая в крови тревожно-волнующее предчувствие. Предчувствие близившегося лета, что последует за последними днями мая или же предчувствие неотвратимых перемен не природы, но собственной судьбы.

– Нет, – усмехнулся про себя Роберт. – Я, лишь только я, властелин и хозяин собственной судьбы. Ни одна ищейка закона не смогла взять моего следа. Глупцы. Наивные безумцы. Нет той силы, что смогла бы помешать мне. Господи, как же мне хочется поскорее покинуть этот городок.

Молодой человек задержал взгляд на неровной линии горизонта, там, где бледно — розовые всполохи заката отдавались во власть темного бархата небес. Раскинувшийся пред взором Роберта вид городской суматохи, сменялся пустынным безмолвием полей и перелесков, сквозь которую, петляя пыльными милями, убегала дорога. Дорога, что вела к белоснежным мраморным колоннам особняка Никоса Метаксаса. Дорога, кой суждено будет пройти через всю судьбу молодого человека.

Вечерняя суматоха небольшого городка мало интересовала Роберта. Чужие безразличные ему люди, события и переживания – словно волны о стены каменной крепости – страдания, мысли и эмоции других разбивались о холодное безразличие циничного и жестокого мужчины.

Отбросив уже истлевшую сигарету, Роберт вернулся в комнату. Подошел к столу. Взял в ладони массивные зо-

лотые часы. От этого изысканного аксессуара пару месяцев назад он ловко избавил одного зажиточного господина. Точность швейцарского механизма ни разу не подвела своего нового владельца, а по возвращению в столицу Роберт рассчитывал выручить неплохие средства за продажу этого очевидного свидетельства богатства и благосостояния сеньоров высшего круга. Роберт ничуть не опасался их немилости. Он их ненавидел всеми фибрами своей души. Не существовало для молодого человека лучшей награды, чем оставить в дураках очередного самоуверенного в собственной власти подлеца.

Оставив часы на прежнем месте, Роберт покинул комнату. Миновав темный коридор, молодой человек спустился по лестнице, чьи шаткие ступени издавали жалобные стоны при каждом неосторожном шаге. Через пару минут Роберт вошел в кухню. Небольшая комната на первом этаже, где обычно по вечерам собирались приятели хозяйки, случайно зашедшие визитеры или постояльцы, коим сеньора Анна-та добродушно предоставляла временное жилье, не безвозмездно, впрочем. В другое время отсюда доносилась веселая переключка голосов, звон стаканов и отрывки случайных фраз. Сегодня на кухне царил непривычное спокойствие. Единственным человеком являлась хозяйка. Сеньора Анна-та, расположившись за кухонным столом, занималась вполне естественным делом – мелко крошила овощи для ужина. При появлении Роберта на губах сеньоры скользнула улыбка.

– Добрый вечер, – вежливо промолвил Роберт.

– Здравствуй, здравствуй, дружок, – рассмеялась Аннета.

К своему нежданно появившемуся постояльцу женщина относилась с искренней теплотой и интересом. Порой, в удивлении своей комнаты, она не раз задавалась единственным вопросом – что может делать в этих краях столь хорошо обеспеченный и по всему, имевший далеко идущие планы юноша, коим являлся Роберт. Внимательный и сдержанный Роберт в свою очередь отвечал хозяйке взаимной благосклонностью. Не раз они проводили вечерние часы за разговором. Роберт мягко и аккуратно узнавал особенности местной жизни. Она же с упоением делилась с юношей всеми сплетнями и пересудам, которые создавали атмосферу здешнего бытия.

Вот и сегодня сеньора явно рассчитывала скоротать время в компании Роберта.

– Роберт, проходи. Присаживайся. Хочешь перекусить чего-нибудь? – поинтересовалась Аннета.

– Нет. Благодарю. Единственное, от чего бы не отказался – это чашка ароматного сладкого чая с лимоном, – промолвил мужчина.

– Минуточку, – Аннета отложила овощи на тарелке и буквально через пару минут перед Робертом стояла дымящаяся чашка ароматного крепкого чая с золотой корочкой лимона и в довершении блюдечко с аппетитным песочным печеньем.

– Спасибо, – улыбнулся Роберт.

– Не стоит благодарности. Поверь, мне это не составило совсем никаких усилий.

Аннета возвратилась на свое место. Легким уверенным движением продолжила нарезать тонкие ломтики моркови. Несколько минут царило безмолвие. Молодой человек увлекся вкусным чаем с угощением, Аннета не решалась его отвлекать напрасными разговорами. Однако, вскоре природное любопытство и страсть к долгим словоизлияниям взяла вверх над сдержанностью.

– Роберт, сегодня такой чудный вечер. Почему б тебе не прогуляться. Погода на удивление теплая, – предложила Аннета.

– Согласен. Прекрасный майский вечер. Только вот покидать стены дома нет особого желания. Завтра утром я собираюсь сходить на рынок. Посмотрю есть ли здесь достойные экземпляры травяных масел.

– Как интересно. Честно признаться, очень непривычно, когда вместо празднеств и ночных бдений, столь интересный юноша, коим ты являешься, проявляет больший интерес к травам, чем к девушкам, – не удержалась Аннета.

Роберт задержал на женщине взгляд своих отнимающих волю прекрасного пола глаз:

– Всему свой черед, сеньора. Сегодня мне более важно и значимо заняться развитием семейного дела. В первую очередь для моего отца, – голос молодого человека невольно дрогнул. Редкая минута, когда он не сумел совладать с соб-

ственными эмоциями, говоря в лицо доверчивой женщине абсолютную и безоглядную ложь.

– Понимаю. Семейное дело, не просто так, – произнесла Аннета. – Тебе, здесь, верно, так скучно, – рассмеялась женщина. – После столичных – то красот. А у нас здесь все совсем по-другому. Почти деревенская жизнь. Совсем бы глушь была, если б не Никос Метаксас. Станный человек, так богат, любой другой на его месте тратил бы все средства на свои прихоти и желания единственной дочери, а этот же...

Она еще что-то говорила. Роберт практически не слушал ее прерывистую, исполненную ненужными деталями речь, ровно до того момента, пока волшебное слово «ювелир» не коснулось слуха нашего героя. По ладоням Роберта скользнул невольный озноб. Обхватив пальцами пылающую чашку с чаем, но не ощущая боли, мужчина задержал взгляд на Аннете:

– Ювелир? И насколько же успешно его дело?

– О, более чем, – беспечно рассмеялась женщина.

Поднявшись, Анетта подошла к плите и положила на сковороду начищенные и порезанные овощи. Отвлечшись, она, казалось, на пару мгновений потеряла нить беседы. Охваченный жадным интересом, Роберт едва сдержался, дабы не вытряхнуть из добродушной болтушки все детали и подробности.

– У него ювелирная лавка? Или же он сам занимается огранкой? – поинтересовался мужчина.

Аннета бросила в кушанье щедрую порцию соли. Подлила золотистого масла.

– Он владеет сетью ювелирных салонов в столице и ... – Женщина потянулась за приправой на верхнюю полку. – Черт возьми, неудобно!

В считанные секунды Роберт оказался рядом и легким движением достал хозяйке необходимую баночку.

– Ах, спасибо, – улыбнулась женщина.

– Не стоит, – Роберт приблизился к окну. – Аннета, позвольте спросить, у этого господина, как его..

– Никос Метаксас, – напомнила Аннета.

– Да, именно. У него достойный выбор ювелирных изделий? Неплохо было б посмотреть кое-что для себя, – с деланным безразличием сорвались с губ Роберта простые слова.

Аннета обернулась:

– Более чем. Не на наш доход, правда. Но я уверена, ты найдешь себе или своим родственникам достойное украшение. У Никоса настоящее волшебство на витринах, что сродни, лишь с прелестью пещеры арабских чародеев.

– Да, было б недурственно взглянуть своими глазами.

– Никос неплохой по сути своей человек. Немало сделал для нашего городка. Построил здесь школу и отреставрировал старый храм. Вот только странноватый немного, – оседлав свою любимую тему, Анетта не намеревалась останавливаться. Роберт с нетерпением внимал каждой фразе.

– В чем же его странность? В том ли, что помогает про-

стым людям? – поинтересовался Роберт.

Аннетта отмахнулась:

– Нет. Хотя и это нечасто, ой, как нечасто встречается в наши дни. Просто, Никос, ведет очень своеобразный и непонятный нам образ жизни.

– Пьет кровь невинно убиенных младенцев или заманивает в свой замок невольных путников, сбившихся с дороги? – усмехнулся Роберт.

– Нет, Бог милостив. Просто никто и никогда из живущих в городке не ступал под своды его дома. Вся дела, связанные с помощью жителям или иные вопросы решает его поверенный Теодорос. Лишь избранным из его круга получено право видеть убранство его дома, – Аннета мечтательно вздохнула. – Наверное, там очень красиво. Странный господин. Общается в основном, если верить слухам, лишь с представителями одной с ним нации.

– Позволь спросить, какой? – удивился мужчина.

– Ах, я разве тебе не говорила. Он грек. Всех остальных, видимо, считает недостойным своего внимания. А вот дочка у него совсем другая. Славная девочка. Очень хорошенькая внешне.

Роберт отхлебнул остывший чай.

– Что ж очень занимательная история. Просто сказка про замок Синей Бороды, – мужчина поднялся.

– Куда ты? Может еще чаю? Или бекона с фасолью поджарить? – с недоумением произнесла Аннетта, не желавшая

терять благодарного слушателя.

– Нет. Спасибо. Вы оказались правы. Вечер сегодня восхитителен. Лучше прогуляться перед сном. Еще раз благодарю за чай.

С такими словами, улыбнувшись на прощание, Роберт покинул кухню. Возвратившись к плите, Анета вздохнула:

– Ну вот ушел. Своеобразный юноша. Полагаю, сегодняшней ночью кому-нибудь из местных девок улыбнется удача.

Глава 7

Опершись ладонью о край узорчатых перил, Александра с наслаждением вдохнула сладко-пряный аромат молодой листвы и нежной сирени, окутавший подъездную аллею. Темный бархат ночи раскинулся вокруг, невесомой вуалью лаская ветви деревьев в саду, мраморные колонны парадного крыльца и изящные формы статуй, запечатлевших в своей классической простоте черты древних божеств прекрасной Эллады. Сквозь зарождающееся таинство весенней ночи девушка едва могла различить зеленеющие вершины кипарисов, окружавших сад, кремовые всполохи сирени и почти уже не видимый поворот дороги. Окна спальни и балкон выходили на западную сторону здания. В любое время дня и ночи Александра могла быть свидетелем всего, что происходит вокруг: кто приезжал в дом отца, порой сквозь распахнутые окна до нее доносилась переключка голосов, дружественно-приветливый тон Никоса, когда последний прощался с некоторыми, из очень немногих близких друзей, или сдержанно-уверенный, когда хозяин давал указания, кому-то из своего окружения. С наступлением ночи, когда стихали суматоха и сумятица прошедшего дня, слуха девушки касались лишь только мягкое перешептывание листвы на ветвях и трели волшебника соловья, расплескавшего свою мелодию в дремлющем саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.